

ГЛАВА 1

Тик-тик-тик-тик... Секундная стрелка часов с пугающей быстротой догоняла минутную, неотвратимо поднимаясь к цифре XII. Пять часов пятьдесят девять минут тридцать пять секунд... сорок секунд... сорок пять... Валентину иногда снились кошмары, но даже самый страшный из них мог показаться жалким подобием того ужаса, что сейчас происходил у него на глазах. И угораздило его проснуться на минуту раньше, чем должен был прозвучать будильник...

Тик-тик-тик-тик... Десять секунд до звонка. А так хочется спать. И постель такая теплая, мягкая... Пять секунд... Валентин чувствовал себя цыпленком, которому вот-вот предстояло вылупиться из уютного яйца и оказаться в холодном жестоком мире. Сейчас проклятый звонок вырвет его из милого полусонного состояния и безжалостно зашвырнет в постылый дискомфорт наступившего утра...

А может, будильник не заведен? А может, секундная стрелка проскочит роковую цифру, и ничего не случится?..

Шесть ноль-ноль. В будильнике тихонько щелкнула пружинка, и в сознание ушатом ледяной воды влился ужасный звон. Прервать его можно было

ударом по красной кнопке на корпусе часов, но ведь время этим не остановишь. Выход из такой ситуации только один — преодолеть себя и подниматься. А если не справишься с собой, тебе на помощь придет жена, этот робот в прекрасном человеческом облике.

Дарьяна уже на ногах, потягивается после сна. И делает она это не как обычные люди, инстинктивно зевая и беспорядочно раздвигая руки, а как запрограммированный механизм. Не зевок у нее, а правильный, сконцентрированный вдох, чтобы расправить легкие. И руки она вытягивает вверх по системе йогов, чтобы эффективно растянуть мышцы и включить в работу позвоночник. Валентин обязан следовать за ней. Плечи расправить, грудь вперед, живот подобрать...

А ведь нет живота, одни воспоминания о нем. И, как ни странно, воспоминания эти приятные. Не было кошмарных подъемов по утрам, когда он жил с мамой. Проснулся, протер глаза, поплелся на кухню, а там пирожки с мясом или оладьи с медом. Умылся кое-как, ковырнул зубной щеткой во рту — и в школу, до которой рукой подать. А вернулся домой — и сразу за компьютер, хоть до самой ночи. А на полдник мама ватрушек напечет, на ужин куриные котлетки подаст, и можно в своей комнате кушать, за клавиатурой. Потому и животик у Валентина был, и жирок на бедрах. И все так хорошо было, пока в его жизни не появилась Дарьяна. Почти восемь лет сплошных мучений...

Над головой светлеющее, безоблачное небо, но холодно и ветрено, и еще лужи под ногами со вчерашнего дня. А Дарьяне все нипочем. И то, что пять утра на дворе, — все равно... Да, именно пять, а не шесть, потому что со вчерашнего воскресенья стра-

на перешла на новое, летнее время, а это целый час в минусе. Сейчас, как никогда прежде, Валентин уверен был в том, что это издевательство над организмом придумал изощренный садист в ранге высокого политика. Даже Дарьяна со своим кодексом успешного человека не додумалась бы до такого изверства.

Ноги у Дарьяны длинные, сильные. Когда она в юбке, походка у нее плавная, пластичная, от бедра. Валентин еще помнил те времена, когда ей не хватало естественности в этих движениях, но за многие годы, что прошли со дня их знакомства, Дарьяна отшлифовала технику до совершенства. Но ходить она могла и по-другому, быстрым, частым и размашистым шагом, так, что пешком за ней не угнаться. Именно так она сейчас и шла, и Валентин едва поспевал за ней. Свежий воздух, прохлада, забравшаяся под спортивную ветровку, стремительные движения — все это взбудрило его, встряхнуло изнутри. Мышцы разогрелись, настроились на продолжительную нагрузку, и уже хочется бежать. Но у Дарьяны правило — до парка нужно идти пешком, а там уже переходить на бег.

Из одних источников следовало, что Дарьяна — это новое имя, вошедшее в употребление после Октябрьской революции, — такое, как Вилена, Владлена, производные от Владимира Ильича Ленина. Но Валентин находил перевод этого имени как с персидского, так и со старославянского языков. В первом случае оно обозначало «победительницу», в другом переводилось как «повелительница». И, надо сказать, Дарьяна соответствовала своему имени: она умела побеждать и повелевать. И над самой собой была хозяйка, и над другими. И характер у нее сильный, властный. Только красоту ее мужествен-

ной не назовешь, потому что женственность — ее визитная карточка. Хрупкое, нежное, изысканно манерное создание с детскими чертами лица и грустно-добродушной улыбкой. Глядя на нее, трудно было поверить, что это расчетливая, педантичная и очень целеустремленная женщина, не привыкшая упасть ни себя, ни других...

К тому же она была красивой женщиной. Худенькая, изящная, модельного роста и внешности; густые белокурые волосы до плеч, замечательные янтарного цвета глаза, черные брови вразлет; нос чуточку широковатый, но сбалансированный с высокими скулами, надбровьями, чувственным ртом и заостренным подбородком. Однажды увидев ее на улице, Валентин влюбился без памяти. Робкий, вне себя от смущения, он тенью ходил за ней, и неизвестно, сколько бы это продолжалось, если бы она сама вдруг не проявила инициативу. Он пытался взять ее осадой, но проиграл ей на контратаке. Хотя можно сказать, что выиграл. В любом случае в победителях оказалась Дарьяна...

Парк начинался за шоссеиной дорогой, далеко не самой широкой в Москве, но все же достаточно оживленной. Дарьяна не поленилась проделать лишних двадцать-тридцать метров, чтобы выйти на пешеходную «зебру», но и останавливаться, пропустить подъезжающую машину не стала. Просто глянула по сторонам и пошла, уверенная в том, что черный «БМВ» непременно уступит ей дорогу. Так и произошло. Водитель покорно осадил всех своих «лошадей» под капотом, и даже не позволил им жарить в клаксон в знак возмущения. Город в утренних сумерках, разбавленных уличными фонарями, стекла в машине затемненные — Валентин не мог видеть его лица, но почувствовал, как он провожает

Дарьяну масляными глазами. Неудивительно — ведь она даже в спортивном костюме смотрелась очень эффектно. Впрочем, Валентин уже привык, что его жена производит впечатление на мужчин. И к утренним пробежкам привык, и к вечерним тренировкам в спортивном зале, и ко всему, к чему его приучила вторая половина, помешанная на здоровом образе жизни...

Дарьяна шла впереди, а Валентин следовал за ней, как преданная собачонка. И со стороны могло показаться, что не он первая половина в их семейном дуэте, а его жена. Впрочем, в сущности, так оно и было...

Дарьяна приехала покорять Москву из Краснодара. Это произошло двенадцать лет назад, хотя готовиться к этому шагу она начала гораздо раньше. Во-первых, она раньше срока окончила школу, причем с золотой медалью, во-вторых, нацелилась на государственную финансовую академию с ее запредельным конкурсом при поступлении. Дарьяна училась на четвертом курсе, когда Валентин в нее влюбился, а она с ним познакомилась. Он сам к тому времени окончил физико-технический институт, работал на крупной фирме инженером-программистом. Спортивной фигурой он, может, и не отличался, но девушки считали его привлекательным. Он мог бы даже стать повесой, если бы не дремучая застенчивость, из-за которой он до двадцати трех лет оставался девственником.

Дарьяна стала его первой женщиной, но произошло это не сразу, а только в день их свадьбы. Почти год он ухаживал за ней, она отвечала ему взаимностью, но под венец не торопилась. Ему казалось, что она ждет для себя более успешной партии, но, видимо, таковой не нашлось, поэтому их отношения

и узаконились браком. И, как это ни удивительно, в свои двадцать лет Дарьяна оказалась девственницей — Валентин стал ее первым мужчиной.

Мама возражала, уверяя, что Дарьяна вышла замуж не за него, а за московскую прописку. Но тем не менее она забрала к себе бабушку, чтобы освободить для новой семьи двухкомнатную квартиру в спальном районе столицы.

Дарьяна осталась в Москве, устроилась бухгалтером на то же предприятие, где работал и он. Компания занималась торговлей оружием — разумеется, на легальной основе: охотничьи карабины, спортивные винтовки, травматические пистолеты; может, потому и называлась она «Новая Эрра», в честь шумерского бога чумы и войны. Фирма владела своей частью рынка в Москве и с каждым годом наращивала обороты. Сейчас предприятие имело целую сеть магазинов и оптовых баз в масштабе страны и ближнего зарубежья, а ее владелец входил в число долларовых мультимиллионеров. И к своим двадцати семи годам Дарьяна умудрилась стать главным бухгалтером этой солидной компании, без преувеличения сказать, вторым человеком после генерального директора. Столь стремительной карьерой она обязана была своей умной голове и выдающейся самодисциплине, которую она возвела в ранг культа.

И еще ей пришлось выдержать испытание, которое устроил для нее начальник. Он инсценировал похищение Дарьяны, ряженые бандиты устроили ей допрос, пытаясь выбить из нее конфиденциальные сведения, которые она узнала накануне. Иголки под ногти ей не вставляли, не избивали, тем более не насиловали, но морально встряхнули. Проверку она прошла, свою преданность корпоративным интересам доказала. За что ее и подняли вверх по служеб-

ной лестнице... И все равно это было форменным безобразием, узнав о котором Валентин решил отправиться к генеральному директору и набить ему морду. Но Дарьяна его отговорила. Слишком опасно это, сказала она, и он ей поверил, потому что и без нее знал, насколько крут его начальник. Была у него информация, что Эдуард Антонович, помимо легального бизнеса, занимался еще и преступными махинациями. А точно он знал об одном таком эпизоде, когда в девяносто девятом году господин Тихоплесов поставил в Чечню крупную партию гранатометов для боевиков. Случайно узнал, настраивая компьютер начальника и наткнувшись на видеозапись, где бородатые боевики осматривали, а затем укладывали в машины противотанковое оружие. Сам Эдуард Антонович в кадр не попал, но Валентин ощущал его незримое присутствие. Тем более что видеокамера зафиксировала человека славянской внешности, которого Валентин не раз видел в офисе. Возможно, это был внештатный порученец Тихоплесова.

Валентин мог скачать компрометирующий видеофайл, но, во-первых, испугался, а во-вторых, просто не знал, что с ним делать. Ведь Эдуард Антонович на сделке не присутствовал, и взятки с него гладки. ФСБ, может, и возьмет за мягкое место его порученца, но сам генеральный директор останется при своем. А Валентин получил бы расчет и бесплатный совет положить полученные деньги на счет ритуальной службы, чтобы она затем организовала его похороны.

Не стал Валентин связываться с Тихоплесовым, струсил перед его могуществом. И очень быстро успокоился, когда узнал, что Дарьяна получила солидную компенсацию за моральные и физические

страдания. А еще жене назначили совершенно немислимый оклад, который в двадцать раз превосходил его зарплату. Впрочем, ничего удивительного в том не было — ведь главный бухгалтер по роду своей деятельности владел секретами, которые могли отправить на скамью подсудимых его босса. Умение держать язык за зубами требовало особой доплаты, а, надо сказать, тайны Дарьяна хранить умела и не открывалась даже перед мужем. И это при том, что Валентин хотел быть в курсе всех ее дел, ведь он боялся за нее, переживал. Зато Дарьяну ее новая должность ничуть не смущала, и справлялась она со своей работой так, что в конце года получила огромную премию, которой хватило бы ей на «Мерседес» представительского класса. Но машину она покупать не стала, а вложила деньги в доленое строительство элитного жилого комплекса, куда до этого уходила львиная доля ее зарплаты. Дом, кстати сказать, уже закончен, скоро его примет госкомиссия; к тому времени квартира будет полностью проплачена и можно будет вселяться. Но пока что им приходилось довольствоваться старой «двушкой», на что Дарьяна совсем не жаловалась — во всяком случае вслух.

Натура у нее такая, принимать все таким, каким оно есть, но с обязательным условием доработать и усовершенствовать. Поэтому Валентин и мучился сейчас на беговой дорожке. Бежала Дарьяна быстро, энергично, и ему приходилось напрягаться, чтобы поспевать за ней. Несмотря на свою внешнюю хрупкость, она всерьез считала, что склонна к полноте, поэтому изнуряла себя утренней зарядкой и вечерними упражнениями в спортзале. Не давала она пощады и Валентину, поскольку желала видеть в нем сильного и стройного мужчину. А сопротивляться

он не мог. Дарьяна никогда не повышала на него голос, но ей достаточно было посмотреть на него спокойным, пугающим своей невозмутимостью взглядом, чтобы у него отпала всякая охота спорить с ней. К тому же он любил свою жену, и все его физические страдания казались пустяком по сравнению со страхом ее потерять. Дарьяна тоже любила его и повода для ревности не давала; но женщина она своенравная, независимая, и Валентин всерьез подозревал, что их брак рухнет, как только она потеряет к нему интерес. Поэтому беспрекословно подчинялся жене, радуясь тому, что ее опека над ним позволяет ему держать себя в тонусе...

Дарьяна не любила делать что-то вполсилы и во всем старалась выкладываться на всю катушку. Поэтому последние полкилометра она прошла в спринтерском темпе. Валентин бежал за ней, не чувствуя под собой ног от усталости, задыхаясь от нехватки воздуха, но все-таки не отстал от нее.

Она тоже устала, но держалась при этом бодро. Медленно, внутренне концентрируясь на своих ощущениях, подняла вверх руки, чтобы восстановить дыхание, выгнула спину. Валентин едва держался на ногах, ему хотелось просесть в коленях, согнувшись в поясе, руками опереться на землю, но из желания соответствовать Дарьяне он повторял за ней...

Но вот дыхание частично восстановлено, усталость больше не гнет к земле, и они могут отправиться домой. И, что самое приятное, пешком. Не любил он утренние пробежки, но ему нравилось после встряски возвращаться домой: теплое это чувство, уютное. И сегодня оно повторится, потому что вечером после работы их с Дарьяной ждет фитнес. Она будет заниматься своей аэробикой, а он, как обычно, займется боксерской грушей. И он должен

выкладываться на полную, потому что Дарьяна этого хочет. Она может зайти к нему в зал, посмотреть, как он занимается. И если ей покажется, что он прохлаждается, вечером она может отказать ему в сладком. Есть в ее женском арсенале такое оружие — держать мужа на голодном пайке. А Дарьяна слишком хороша, чтобы отказывать себе в удовольствии в постели. И у него либидо такое, что не страшна никакая физическая усталость, и потребность есть хоть как-то и где-то владеть своей женой...

Еще в ранней юности Валентин занимался боксом, и, надо сказать, весьма успешно. Ездил на соревнования, брал призовые места, пока однажды не оказался в глубоком нокауте после страшного удара в нос. Это была боль, после которой у него напрочь пропало желание выходить на ринг. Потому он увлекся карате, успешно прошел стадию, где практиковался бесконтактный стиль поединков, неплохо держался и в свободных спаррингах, но только до тех пор, пока ему не выбили ногой челюсть. Перелома не было, но желание работать в полный контакт пропало совершенно. Какое-то время по инерции Валентин посещал тренировки, но со временем поставил крест и на этом своем увлечении. В институте он занимался самбо, особых успехов не добился, но продержался целых два года, пока в одном из поединков не сломал руку.

Не стал он признанным мастером рукопашного боя, не хватило ему характера, но кое-какие навыки он все-таки приобрел. И, надо сказать, с боксерской грушей он работал очень эффективно. Во всяком случае, Дарьяне нравилось наблюдать за ним. И чего уж греха таить, для того он и старался работать в полную силу, чтобы покрасоваться перед ней... Вот и сегодня вечером он изойдет семью потами, чтобы предстать

перед ней во всей красе. А потом они будут возвращаться домой, уставшие и настроенные на отдых. А ночью Дарьяна сама предложит ему себя...

Было уже светло, когда они вышли к шоссе на дороге. На обочине, в нескольких шагах от пешеходного перехода, стоял черный «БМВ», но Валентин обратил на него внимание лишь после того, как из него вышли двое. Оба подозрительно смуглые, черноволосые, в кожаных куртках нараспашку. Не сказать, что атлетического сложения, но и на заморышей вовсе не похожи. Идут, скалятся, Дарьяну похотливыми взглядами лапают... Видно, что кавказцы. Но не грузины, не армяне, может, чеченцы или дагестанцы. У Валентина неприятно засосало под ложечкой.

— Девушка, а девушка, давай вместе бегать будем, — с легким акцентом сказал один, широколобый и кривоносый. — Ты убежать будешь, а мы догонять.

— А ничего, что я здесь? — чувствуя, как тяжелеют ноги, дрогнувшим голосом спросил Валентин.

— А ты кто такой? — окатив его презрительным взглядом, спросил второй, небритый, скуластый.

Валентин ощутил, как онемели руки... Он слышал, что кавказцы ведут себя нагло, вызывающе, но, признаться, это был первый случай в его жизни, когда их агрессивность пришлось примерить на себя. Да и вообще, за все время, что он жил с Дарьяной, это был первый случай, когда ему предстояло выяснить с кем-то отношения. Мирно протекала их совместная жизнь, без внешних конфликтов. И вдруг проблема, да еще оттуда, откуда ее никто не ждал. Если бы кавказцы появились где-нибудь в ресторане, где Дарьяна могла находиться в сексуальном платье для коктейлей, но ведь они пристали к ней

на улице, где на ней обычный спортивный костюм. В нем она смотрится неплохо, но совсем не так броско, как если бы она была, например, в короткой тунике с открытыми ногами. Что это на нерусских нашло? Может, весеннее обострение на почве зимней неудовлетворенности?

— Муж я.

— Чей муж? — осклабился небритый.

— Ее муж. — Валентин взглядом показал на Дарьяну.

— На тебе денег, за грушами сбегай, да, — хохотнул широколобый, сунув руку в карман.

— Да нет, зачем за грушами? Пусть с нами бегают. Ты, красавица, убежать будешь, а мы — догонять. Кто тебя догонит, тот и вылюбит! — паскудно ощерился небритый.

От Валентина он находился на расстоянии вытянутой ноги. Можно было ударить его пяткой в пах, чтобы затем взяться за второго, вырубив его мощным кроссом в подбородок. В теории Валентин все это умел. Да и на практике мог показать класс, если бы перед ними стоял условный противник. Но это был реальный враг, злобные кавказцы, под куртками у которых могли находиться кинжалы или даже пистолеты. Одного он, может, и сумеет вывести из боя, но другой пырнет его кинжалом в живот, а затем отрежет голову... Да и одного Валентин не сможет вырубить, потому что ноги от страха вросли в землю.

Дарьяна, казалось, не обращала внимания на кавказцев, но с удивлением смотрела на Валентина. Она ждала от него реакции на столь скотское поведение со стороны нехристей. Ведь ей известно было, насколько грозным противником он был для боксерской груши... Как будто она не знает, что тре-

нировочный снаряд не может ударить ножом в ответ или выстрелить из пистолета.

— Вас потом самих в СИЗО вылюбят, — растерянно, но все же с апломбом заявил Валентин. — Я сейчас в свой отдел позвоню, группу захвата вызову.

Он полез в карман, вытащил оттуда сотовый телефон.

— В какой отдел? — заметно напрягся небритый.

— В отдел милиции...

Валентин сделал вид, что уже набрал номер.

— Петров, ты?.. Капитан Полунин. Давай-ка наряд на Свободы, срочно... Жду!

Страх, казалось, парализовал его ноги, но сознание не отключилось, и язык не отказал. И сцена, которую он разыграл, выглядела вполне убедительно. Об этом можно было судить по тому, как занервничали кавказцы.

— Эй, ты чего, капитан! Шуток не понимаешь? — елеинно улыбнулся широколобый, в знак смирения выставляя вперед руки.

— Зачем нам бегать? Мы что, на спортсменов похожи? — наклонив голову вбок, заискивающе посмотрел на Валентина небритый.

— Я бы вам сказал, на кого вы похожи! — воспрял духом Валентин.

Он увидел, что широколобый шагнул назад, и гневно нахмурил брови.

— Стой! Сейчас наряд подъедет!

— Да ладно тебе, капитан, нормально все. Поедем мы.

Кавказцы сели в свою машину, кстати сказать, далеко не первой молодости, проехали мимо Валентина, фыркнув на него копотью из выхлопной трубы, с ревом умчались вдаль.

— А где наряд? — спросила Дарьяна, с насмешкой глянув на мужа.

Голос у нее мягкий, сочный, льющийся, но вопрос прозвучал жестко.

— Сейчас будет, — вымученно улыбнулся Валентин.

— Я думала, ты размажешь их по асфальту.

В ее словах не было презрения и осуждения, но констатация факта звучала достаточно сурово, чтобы Валентин слетел с пьедестала победителя.

— Драка — это последний аргумент. Во всяком случае для цивилизованного человека. Да и древние говорили: ушел от драки, значит, победил.

— Да, был у нас в школе один такой победитель, — пренебрежительно усмехнулась Дарьяна. — Его бьют, а он лицо руками закрывает. Его бьют, а он побеждает...

— Но меня же не били.

— Зато меня оскорбили... Ладно, проехали. Нормально все, — будто опомнившись, миролюбиво сказала Дарьяна. — Правильно сделал, что на хитрость пошел. Так и надо было... Пошли, капитан Полунин.

Она вроде бы согласилась, что Валентин не оплошал, но всю дорогу к дому она молчала. Ни слова не проронила она, пока готовила завтрак — овсяную кашу и морковный салат. Валентин, как обычно, помогал ей, поэтому ее молчание тяготило его.

Он чувствовал, что Дарьяна разочаровалась в нем, и от этого у него пропал аппетит. А ведь он любил хорошо поесть и не жаловал малокалорийные «здоровые завтраки», на которых настаивала Дарьяна. И еще сегодня у него в планах было рассказать, как завтракают норвежцы, что картофель у них подают в мундире и со шкварками, и еще по утрам они едят

рыбу, приготовленную на сливочном масле. Хотел рассказать, но промолчал, потому что чувствовал за собой вину. И каши съел всего две ложки, а к салату даже не притронулся. Дарьяна это заметила и отреагировала.

— Ну что ж, самый здоровый завтрак — отсутствие такового.

Валентин с надеждой посмотрел на нее, думая, что сейчас она покровительственно улыбнется ему — но нет, даже не глянула в его сторону.

Рабочий день в их семье начинался сразу после завтрака. Они еще из дома не вышли, а между ними уже установились официальные отношения. Главный бухгалтер — большой человек, а Валентин — всего лишь обычный инженер-программист. Может, он и нужный винтик в корпоративной системе, но Дарьяна все равно важнее. Поэтому после стандартных утренних процедур между ними выростала ледяная стена официоза. Может, таким образом Дарьяна настраивалась на работу, но Валентину вовсе не нравилось, что жена обращается с ним, как начальник с подчиненным.

Она могла купить себе дорогой «Мерседес», но не стала делать этого, потому что у нее был служебный «Лексус» и персональный водитель. Валентин мог бы ехать на работу вместе с ней, но Дарьяна отказывала ему в этом, всерьез считая, что такая практика недопустима. И ему приходилось добираться до работы на метро, что, надо сказать, было хоть и неудобней, но быстрее...

И сегодня за ней прибыла машина, и она, гордая тем, что у нее такой высокий статус, сама отправилась на работу. А ведь могла хотя бы до станции метро подбросить.

Уставшие и довольные — так в двух в словах можно было охарактеризовать людей, выходящих из пассажирского терминала. Международный рейс, долгий перелет, регистрация, возня с документами, очередь за багажом — все это, конечно, утомляет, но какое счастье, что самолет удачно прибыл в пункт назначения, не разбился в пути, не развалился на посадочной полосе. Главное, что все живы, а усталость пройдет. Именно это и читалось на лицах пассажиров.

Но не все выглядели уставшими. Дарьяна, как обычно, выглядит свежо и бодро. Глаза у нее блестят, и не видно в них остаточного переживания. Потому что не боялась она лететь самолетом. Ведь ей свойственна уверенность, что ничего плохого с ней случиться не может. Беда может произойти с кем-то, но только не с ней.

Беда, похоже, произошла с Валентином, но Дарьяне и горя нет. Идет себе под ручку с многоуважаемым Эдуардом Антоновичем и тихонько радуется; походка у нее легкая, грациозная, но при этом она не похожа на сучку, виляющую хвостом перед кобелем. Не похожа, но... Неспроста же Тихоплесов с ней.

Эдуард Антонович также не производил впечатления утомленного человека. Летний костюм на нем светлых тонов, пиджак нараспашку, но галстук затянут, что называется, под самый подбородок. Лысина блестит весело, будто торжествующе, в глазах молодецкий задор, на губах феерится улыбка. Валентину даже показалось, что у него на лбу стало меньше морщин. И живот как будто бы подобрался, и плечи стали шире... Пятьдесят лет Тихоплесову,

но выглядеть он стал гораздо моложе, чем прежде. Уж не Дарьяна ли его омолодила?

— Валентин?! — увидев мужа, удивленно протянула она.

Но в замешательство не пришла, и улыбка стала ярче. И Тихоплесов ничуть не стусевался, глянув на преградившего им путь Валентина.

— А-а, Полуниин! — густым с хрипотцой голосом бравурно произнес он.

Но руку протянул ему вовсе не для приветствия. Он всучил ему свой кейс, как будто он был носильщиком. Впрочем, Валентин возражать не стал.

Дарьяна тоже отдала ему свой саквояж, но так и осталась под ручку с Тихоплесовым. И только красноречивый взгляд Валентина вразумил ее. Она отстранилась от босса, но и к нему вплотную не подошла. Встала между своим начальником и мужем, как тот камень преткновения. И хотя бы капелька смущения во взгляде появилась.

— Ты на машине? — обращаясь к Валентину, спросил Эдуард Антонович.

— Нет.

— Тогда извини, не могу оставить даму на тебя.

Тихоплесов забрал у Валентина кейс, но только для того, чтобы передать своему водителю. Забрал у него и Дарьяну, но чтобы оставить себе.

— Увидимся дома, — начальственным тоном сказала Дарьяна и как ни в чем не бывало под ручку с их общим боссом направилась к выходу.

Валентин стоял как оплеванный, глядя им вслед. Мимо него, впритирку, проходили люди, диктор объявлял регистрацию на рейсы, но он ничего не замечал и не слышал. Сейчас он мог видеть только то, как его жена уходит от него в сопровождении другого мужчины.

Очнувшись, он отправился вслед за Дарьяной, но остановить ее не смог. Да и не пытался. Тихоплесов открыл ей дверцу, помог сесть в салон своего «шестисотого» «Мерседеса», на заднее сиденье, куда уместился и сам. Они уезжали в Москву, и никому не пришло в голову, что Валентин мог бы поехать вместе с ними. Статусом он для этого не вышел. Статусом этим и ткнули его в грязь...

Валентин очень сомневался, что Дарьяна отправится домой. Сегодня воскресенье, в офис ехать не надо, а Тихоплесов мог увезти ее в свои хоромы на Рублевском шоссе. Говорят, он совсем недавно развелся со своей юной женой и теперь свободен...

Но, вернувшись домой, Валентин застал жену на кухне. В халате и фартуке она стояла у мойки, чистым полотенцем протирая посуду. И даже не обернулась, когда он подошел к ней.

— Плохо, Полуниин, очень плохо, — менторским тоном сказала она. — Нет у тебя порядка...

— Почему нет? — буркнул он. — Мама приходила, убиралась...

— Мама?! Значит, плохо убиралась.

— Это вряд ли.

— Ну, не знаю. Посуда не блестит, пыль на полках...

— Мы будем обсуждать мою маму?

— А ты предлагаешь обсудить меня? — обернувшись к мужу, язвительно улыбнулась она.

— Может, и предлагаю... Почему ты шла под ручку с Тихоплесовым? — угрюмо спросил он.

— Не вижу в этом ничего предосудительного, — отрезала она.

— Ты летела с ним в одном самолете.

— И что?

— Ты жила в одном с ним отеле.

— Да, но в разных номерах... Или ты сомневаешься? — Дарьяна осуждающе сощурила глаза.

— Нет, но... — замялся Валентин.

— Что — но? Если ты меня в чем-то подозреваешь, так и скажи... Ну, будь женщиной! — Она не просто требовала, она провоцировала.

— Что сказать? — стушевался он.

— Ну, что я проводила время в одном номере со своим боссом. Ну, чего ты молчишь? Или ты не женщина?

— Так, может, и не было ничего, — совершенно растерялся Валентин.

— А если было?

— Да нет, не было...

— Тогда чего ты меня терроризируешь?

— Я не терроризирую...

— Ну да, чтобы терроризировать, хотя бы характер нужно иметь. — Ее губы скривились в пренебрежительной ухмылке. — А где твой характер, Полунин? Почему ты не можешь говорить прямо?

— А ты можешь?

— Это не украшает человека, когда он отвечает вопросом на вопрос. Но и за отговорками прятаться тоже некрасиво, поэтому я скажу прямо. Мы с Тихоплесовым были на оружейном симпозиуме. Да, во Франции. Да, в Марселе. Да, в июне. Да, купались в море. Да, купались, но вместе не спали. Этого не было. Ты должен мне верить. — Дарьяна пристально посмотрела на Валентина, и он не выдержал, отвел глаза. — Ответ исчерпывающий?

— Э-э... А почему ты шла с ним под ручку?

— Я не шла с ним под ручку, как ты говоришь. Я просто опиралась на него. Ты должен был заметить, что мой багаж был немного тяжеловат для женщины.

— Он мужчина, он мог бы помочь.

— Он предлагал мне помощь, но я отказалась. Ты же знаешь, я не люблю, когда кому-то что-то должна, — с мягкой улыбкой, но жестким тоном отрезала Дарьяна.

— Знаю.

— И еще, если я тебе вдруг изменю, ты узнаешь об этом первым.

— Э-э... Но ты же не изменишь?

— Ты в этом уверен? — Голос ее прозвучал тихо, но при этом оглушающе.

— Ну, ты же меня любишь.

— Люблю, — не раздумывая, ответила Дарьяна.

И это успокоило Валентина. Но и разговаривать с женой больше не хотелось. После мажорной ноты вновь могла последовать минорная, а он и без того уже истерзал себя переживаниями. Он решил просто спрятаться от Дарьяны, ушел в комнату, чтобы побыть немного в тишине, собраться с мыслями. А потом он пойдет на кухню, они вместе будут готовить ужин, который затем запьют бутылочкой-другой вина.

Валентин устало опустил в кресло, смахнул с журнального столика пульт дистанционного управления, включил телевизор. Он нуждался в тишине, но это вышло у него автоматически.

На экране он увидел молодого, суровой внешности мужчину, черноволосого, с крупными залысинами. Среднего роста, худощавый, футболка на нем тесноватая, но не видно выпирающих мышц. Но при этой, казалось бы, неказистой комплекции мужчина производил впечатление физически очень сильного человека. Было в нем нечто такое, что настраивало на эту мысль. Лицо овальное, черты мягкие, но при этом казалось, что характер у него жест-

кий, колючий. И взгляд у него дерзкий, норовистый, крепкий и едкий, как концентрированная серная кислота. Смотрел он на мир хмуро, исподлобья. И враждебно. Хотя, как это ни странно, агрессии в нем не чувствовалось. Сила характера присутствовала, а наступательная злоба — нет.

Голова у парня опущена, руки сведены внизу живота, на запястьях Валентин заметил браслеты наручников.

«Капитан армейского спецназа Илья Цаплин обвиняется в убийстве шестерых мирных жителей Чечни». — Обличающий голос за кадром объяснил ему, что это за человек и почему он находится под арестом.

Тут же на экране высветился следующий персонаж, такой же невысокий и худощавый парень. Волосы рыжие, коротко постриженные, но видно, что жесткие и мелкокучерявые. Верхушка головы широкая, но форма ее треугольная, и подбородок необыкновенно узкий. Черты лица мелкие, необычно резкие, нос длинный, заостренный. Что-то лисье в этом человеке, хитрое, ненадежное. Некрасивая внешность, можно даже сказать, уродливая, но его это, казалось, ничуть не смущало. Взгляд у него задиристо-наплевательский, на губах ядовито-брезгливая улыбка. Он презирал весь мир, но только не себя.

Вслед за ним камера показала немолодого уже мужчину, среднего роста, сухощавого, крепкого, поджарого, в отличной физической форме. Этот относился к своему подневольному положению с философским спокойствием и, казалось, думал только о том, чем будут его сегодня кормить на ужин, а все остальное — пустяки, даже то, что его позорят на всю страну. В глазах легкая ирония, на губах спокойная улыбка, которой он высмеивал свою беду.

На экране появилось новое действующее лицо. Это был атлет с могучими плечами; мощная грудная клетка, защищенная накачанными мышцами, сильные мускулистые руки. Голова крупная, наголо бритая, лоб выпуклый, заостренный — казалось, что лобная кость неправильно срослась над переносицей. Надбровья тяжелые, низкие, будто бронированные щитки над танковыми гусеницами, глаза глубоко посажены, со стороны казалось, что они спрятаны за горизонтальными бойницами дзотов. Массивный приплюснутый нос, выступающая вперед нижняя челюсть, широкий скошенный подбородок. Выглядел этот человек очень внушительно, но при этом совсем не казался страшным, угрожающим. Взгляд у него колкий, но добродушный, располагающий к общению.

«Капитан Цаплин, старший лейтенант Медник, прапорщик Теплов, лейтенант Варенцов и прапорщик Казымов в окрестностях чеченского поселка расстреляли из бесшумного оружия шестерых местных жителей, причем все они были убиты с особой жестокостью, — вешал репортер. — Пятеро потерпевших были добиты выстрелами в затылок, а шестая жертва, местная жительница Асет Усманова, была взорвана ручной гранатой наступательного типа. Как полагают следователи, это было сделано для того, чтобы скрыть следы насильственных действий сексуального характера, произведенных обвиняемыми».

В кадре появился и пятый преступник — насколько понял Валентин, прапорщик Казымов. Это был парень лет двадцати пяти с характерным для татарина разрезом глаз. Аккуратная прическа, волосок к волоску, безмятежное выражение лица, мягкая, совершенно лишенная какой-либо раздражен-

ности улыбка. Глядя на этого человека, трудно было поверить, что он совершил зверское убийство.

В комнату тихонько зашла Дарьяна.

— Что интересное смотришь? — спросила она.

— Да вот, спецназ судить собираются. Шестерых чеченцев убили. Пятерых в затылок застрелили, а девушку гранатой взорвали. Сначала изнасиловали, а потом гранатой...

— Где это было, в Чечне?

Валентин заметил, что Дарьяна с интересом смотрит на капитана Цаплина. Будто мужчину своей мечты увидела. И такая ревность в нем взыграла, что он переключился на другой канал.

— Про поселок чеченский говорили.

— Они туда по туристической путевке приехали? — спросила она.

— Да нет, они же военные, а там война.

— Значит, они воевали. А я думала, развлекаться приехали, — не без сарказма усмехнулась Дарьяна.

— Ну, развлекались они или нет, но шестерых мирных жителей убили.

— А мирных ли?

— Ну, говорят, что мирных.

— Сказать все, что угодно, можно. Может, это боевики были?

— Да, и девушка с ними...

— А девушка могла быть снайпером.

— Не знаю. Чеченцы — такие же граждане Российской Федерации.

— Да? А если эти граждане меня бы, например, похитили, что бы ты сказал? — ехидно спросила Дарьяна.

— Ну, не знаю, — замялся Валентин.

— Что ты не знаешь? — наседала она.

— Ну, это же домыслы. Никто тебя не похищал... Может, эти были боевиками, — жалко вздохнул он.

Как обычно, не вышло у него устоять перед натиском жены. А ведь так хотелось иметь собственное мнение.

— Вот и я о том же, — кивнула она. — Может, ребята ни в чем не виноваты. А если виноваты, то лишь в том, что воевали. Тебе этого не понять.

— Почему мне этого не понять? — возмутился Валентин.

— Потому что ты в армии не служил.

— Так я в институте учился. И потом, я лейтенант запаса, офицер. Готовый, так сказать, специалист. Будет мобилизация, призовут — пойду воевать. Поверь, дома отсиживаться не буду!

— Верю.

— А если ты против чеченцев, то не меня дергать надо, а Тихоплесова! — распалился Валентин.

— При чем здесь Тихоплесов? — недоуменно повела бровью Дарьяна.

— Да при том! Он оружие в Чечню поставлял! Чеченским боевикам!

— Кто тебе такое сказал? — сурово спросила она.

— Сам знаю... — поплыл под ее взглядом Валентин.

— Откуда?

— Ну, видел...

— Что ты видел?

— Ничего, — пошел на попятную он, вспомнив, что Дарьяна не только жена, но еще и особо приближенный к Тихоплесову, а значит, потенциально опасный человек.

Хотел настроить ее против босса, но сдуру раскрыл тайну, которую боялся доверить даже своей матери. Так ведь и в ошип недолго попасть...

— То есть ты что-то знаешь, но мне сказать не

хочешь? И тебе все равно, что я работаю главным бухгалтером в компании, которая занимается незаконной торговлей оружием? И тебе все равно, что меня могут посадить в тюрьму? — возмущенно смотрела на него Дарьяна.

— Нет, не все равно, — растерянно мотнул он головой.

— Тогда почему ты не хочешь рассказать мне правду? Если Тихоплесов действительно занимается незаконным бизнесом, то мне лучше уволиться, ты не находишь?

— Ну, в общем, да... У Тихоплесова в компьютере видеофайл был, там чеченцы гранатометы в машины грузят...

— На видео снято?

— Да.

— И Тихоплесов на этом видео?

— Нет. Его в кадре не было. Но я видел его человека.

— Кого именно?

— Я не знаю, как его зовут. Он у нас в штате не числится, но я его в офисе видел. Ушастый такой, бровастый, нос крючком, и лицо вытянутое, как у гоблина... И еще глаза прохиндейские. И всегда куда-то спешит...

— Не знаю такого.

— Да, но я видел, как он из кабинета Тихоплесова выходил.

— Значит, прохиндея этого ты в кадре видел, а Тихоплесова нет?

— Нет.

— А почему ты думаешь, что там чеченцы были? Они что-то говорили?

— Не знаю, может, и говорили, но я только фрагмент записи видел.

- И где эта запись?
- У Тихоплесова в компьютере осталась.
- Себе точно не скачал?
- Нет... Так ты за меня или за себя переживаешь?
- За тебя прежде всего... Значит, Тихоплесова в кадре не было и самой записи у тебя нет?
- Не было. Нет.
- Тогда все это пустой разговор.
- Ты мне не веришь?
- Я, может, и верю. Но кто другой поверит?
- А меня другие не интересуют. Мне нужно, чтобы ты мне верила... Я не удивлюсь, если Тихоплесов и сейчас боевым оружием занимается.
- Если бы это было, я бы знала.
- Может, эти его дела мимо твой бухгалтерии проходят. Может, у него этим другая фирма занимается? И называется она «Черная дыра».
- Все может быть, — засомневалась Дарьяна.
- Увольняться тебе надо.
- Ты хоть сам понял, что сказал? Где я еще такую работу найду?
- Можно и не такую, можно попроще. Пусть платить будут меньше...
- Хватит, — отрезала она. И, немного подумав, куда мягче сказала: — Ты передо мной сегодня провинился. И порядка в доме нет, и обед не приготовлен...
- Валентин удрученно склонил голову. Он знал, что Дарьяна прилетает сегодня, когда, каким рейсом. Но действительно не позаботился об обеде, потому что увлекся компьютером.
- Опять в Инете сидел? — милостиво спросила она.
- Ну, с утра...
- Может, всю ночь?

— Да нет.

— Удивительно, как меня догадался встретить... Ладно, раз уж ты не позаботился об ужине, то ведешь меня сегодня в ресторан.

Возражать Валентин не стал. Более того, с восторгом воспринял это предложение. Ведь если Дарьяна хочет в ресторан, значит, в Марселе она не гуляла, а прилежно сидела по вечерам в своем номере. Логика, может, и небезупречная, но Валентин хотел, чтобы все было именно так. Дарьяна должна принадлежать ему, и только ему...

ГЛАВА 3

Эдуард Антонович курил, расслабленно откинувшись на спинку кресла. Тлеющая сигара изящно сжата двумя пальцами, голова запрокинута вверх, губы вытянуты трубой, из которой кольцо за кольцом выпыхиваются клубы густого табачного дыма... Он один у себя в кабинете, и Валентина это радовало. Больше всего он боялся, что с ним может быть Дарьяна.

Он чувствовал, всем своим существом чувствовал, что над его семейной жизнью навис большой медный таз. Было у него подозрение, что Дарьяна путается с боссом. Он не мог допустить, чтобы их отношения зашли достаточно далеко, поэтому принял контрмеры.

Когда-то Валентин был единственным компьютерщиком на фирме, но с тех пор штаты разрослись, и теперь на «Новую Эрру» приходилось целых четыре специалиста такого уровня. Сетевое, базовое, информационное, почтовое администрирование, создание, сопровождение и обслуживание компьютерных программ, создание и дизайн веб-сайтов...

Со всем этим Валентин мог справиться и сам, если бы он мог работать двадцать четыре часа в сутки не уставая. Но так как он не в состоянии был разорваться на части, то в компании был создан целый отдел компьютерного обеспечения. Увы, его возглавил человек со стороны, а Валентин так и остался рядовым сотрудником. Впрочем, у него все равно остался доступ во все кабинеты офиса, ко всем рабочим компьютерам. Смог он пробраться и к Тихоплесову. И ему совсем не трудно было сделать так, чтобы веб-камера передавала изображение на его монитор.

Рабочий день закончился, офис уже опустел. Тихоплесов уже отпустил свою секретаршу, и сейчас он в кабинете один. Дарьяна у себя, возможно, делает вид, что занята внеурочной работой. Возможно, она уже на пути в кабинет к боссу, чтобы доказать, как горячо она ценит его признание и заботу. Именно поэтому Валентин не уходил — он ждал, когда Тихоплесов приласкает его жену. Он, конечно, не побоится принять меры — ворвется в кабинет к начальнику, возможно, даже врежет ему по морде. Возможно... Но будет лучше, если ничего не произойдет. Ведь не было же вчера ничего. И позавчера тоже. Сколько раз Дарьяна была в кабинете у босса, и всякий раз они демонстрировали исключительно деловые отношения... Может, у него просто мания и ему нужно лечиться?..

Дверь открылась, и на пороге в пепельно-розовом цвете заходящего солнца появилась Дарьяна. В строгом деловом костюме, официальная, неприступная, но, как обычно, женственная и красивая. Вздрогнув от неожиданности, Валентин щелкнул кнопкой мыши, скрывая веб-изображение Тихоплесова.

— Чем ты там занимаешься? Порно смотришь? — спросила она вроде бы шутливо, но с непроницаемым лицом.

— Э-э, нет, конечно! — растерянно мотнул он головой, поднимаясь с кресла.

— Да ты сиди, я же тебе не начальник.

— Да нет, это у меня ноги затекли, — сказал он, потягиваясь, с плохо скрытыми оправдательными нотками в небрежном с виду тоне.

— Домой иди, отдыхай.

— А ты?

— У меня еще работа.

— И Тихоплесов еще у себя.

— Ты следишь за ним? — как о чем-то банальном спросила она.

— Я?! Слежу за ним?! — растерянно протянул он.

— А разве нет?

Не успел он опомниться, как Дарьяна оказалась за компьютером, выдернула с нижней панели рабочего стола спрятанный видеофайл — а там Тихоплесов во всей своей красе.

— Ну и как это называется? — насмешливо, но без возмущения спросила она.

— Э-э...

— Ждешь, когда я попаду в этот кадр?

— Нет, конечно...

— Ждешь. А я не попаду. Потому что здесь, в офисе, у нас с Тихоплесовым исключительно деловые отношения.

— Здесь?! В офисе?! — встрепенулся Валентин. — А не в офисе?

— Хороший вопрос, — глядя ему в глаза, грустно улынулась Дарьяна.

— А ответ? — холодея от дурного предчувствия, пробормотал он.

- Ответ тебе не понравится.
- Почему?
- Потому что я от тебя уйду, — сочувственно развела она руками.
- Как уходишь? Куда уходишь?
- Куда уходят, когда умирают? На тот свет уходят. А я живу. И уйду не куда, а к кому. К другому мужчине.
- К Тихоплесову?
- Да.
- Я его убью! — сжимая кулаки, взвыл Валентин.
- Не сможешь.
- Смогу!
- Ну, давай, иди!

Дарьяна подошла к двери, открыла ее, рукой указала направление.

- Чего же ты ждешь?
- И пойду!

В пылу негодования он вышел в коридор, но смог сделать только несколько шагов. От сильнейшего душевного волнения у него закружилась голова, затяжелели ноги, а сердце, казалось, взбесилось — колотилось так, что едва не выпрыгивало из груди, но при этом отказывалось качать кровь. Валентин остановился, одной рукой оперся о стену, другую приложил к взмокшему лбу.

- Тебе плохо? — забеспокоилась Дарьяна.

Она обняла его сзади, помогла зайти обратно в кабинет, усадила в кресло. И даже включила электрочайник.

- Скажи, что мне все это привиделось, — умоляюще посмотрел на нее Валентин.

— Нет, я правда от тебя уйду. И поверь, мне очень жаль...

- Да, я знаю, что у меня много недостатков.